

Новые Известия - 2002 - 21 мая - С.7

АКУНОМАНИЯ

У знаменитого романиста сразу две премьеры – книжная и театральная

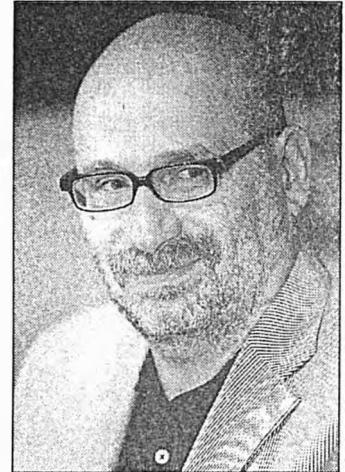
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Если бы в списке номинаций хоть одной театральной премии присутствовала формулировка «За смелость», по итогам нынешнего сезона эту награду непременно получил бы Алексей Бородин со своим «Эрастом Фандориным». Который (Эраст) есть не что иное, как известный всем «Азазель».

Только человек безоглядной отваги мог решиться на постановку детектива, большинством зрителей читаного-перечитаного, да вдобавок в Молодежном, то есть, как ни крути, все-таки детском театре, где даже на «взрослых» премьерах как минимум треть зала составляют школьники – и отнюдь не старших классов. Надо сделать спектакль, интересный взрослому и понятный ребенку; тем, кто досконально помнит сюжет, предложить хоть что-нибудь, помимо сюжета, а главное – надо потрафить капризному автору, Борису-Григорию Акунину-Чхартишвили, который в случае не довольства (издателем, режиссером или журналистом) свои «фи» скрывать не привык...

Акунин имеет право на «звездные» взбрыки, ибо он и в самом деле звезда. Полное собрание его сочинений выпускается в подарочной упаковке. На протяжении нескольких недель растяжки поперек центральных улиц возвещали, что 20 мая официально поступит в продажу новый акунинский роман – «Внеклассное чтение». Одна телеканализация «Азазеля» уже состоялась, теперь ожидается вторая. Чучело чеховской «Чайки», набитое детективными опилками, пылится в репертуаре «Школы современной пьесы». Дожил наконец господин Чхартишвили и до настоящей большой премьеры на настоящей большой сцене, прямо по соседству с настоящим Большим театром. Вышел на поклоны, услышал восторженный рев зала, собрал гербарий, в общем, получил те моральные барыши, которые доступны романисту только в том случае, если он перевалифицируется в драматурга.

За театральной премьерой в режиме нон-стоп последовала литературная. «Внеклассное чтение» – это тоже приключения Фандорина, но не Эраста Петровича, сыщика, а его дальнего потомка Николаса, баро-

Отец Фандорина.

нета, выбравшего историческую родину в качестве ПМЖ. С баронетом мы знакомы по «Алтыну-голобасу», прямо скажем, не самой удачной вешанице из всего, до сих пор написанного Акунином. Продолжение лучше начала, но тоже не хай класс. Сюжет разделен на два параллельных рука, протекающих соответственно по двум разным временам. Главы следуют в порядке строгой очередности: одна повествует о современной России, другая переносит читателя в закатные годы царствования Екатерины Великой. Место действия зачастую совпадает: Акунин повторил эффект гайдайского «Ивана Васильевича...», где по одним и тем же дорогам – то прототипным, то асфальтированным – и царская конница с копьями на пересечес несется, и «Скорая помощь» сиреной завывает...

Здесь и сейчас довольно-таки неприкаинянный, но чистый душой баронет оказался сразу же не скользкими криминальными костров, вокруг него уже здорово пахнет жареным, подстава следует за подставой, чокнутые коммунисты прокладывают путь жестоким отморозкам, а Николас, вылезая из одной переделки только для того, чтобы сразу вляпаться в другую, пытается спасти себя, своих близких (в частности, жену-мусульманку, носящую знакомое имя Алтын) и тех, кто становится близкими в процессе драк и перестрелок.

Там и тогда семилетний вундеркинд Митя Карпов, отмеченный за

свои небывалые способности благородством самой императрицы, попадает в водоворот дворцовых интриг, чудом уносит ноги, тоже переживает целый ряд болезненных предательств (в том числе от собственных родителей), однако находит спасителя в лице Данилы Фондорина, бывшего камер-секретаря Екатерины, а ныне мыслителя и отшельника. Дмитрий Карпов, переименованный новым отцом в Самсона Фондорина, погибнет на полях войны двенадцатого года, но до этого, вероятно, успеет вступить в брак и народить детей. Наверное, от этого, в общем-то приблудного члена семьи перелазила нашему любимцу Эрасту Петровичу легкость мыслей необыкновенная...

Что касается эволюции фамилии (фон Дорн, Фондорин, Фандорин), Акунин и здесь разложил все свои любимые игрушки, в число которых входит «Чайка»:bastards, то бишь незаконнорожденные крестьянские отрыски одного из фон Дорнов, благородной частицы, разумеется, лишенны и зовутся попросту Дорнами...

Ясно, что мифический род логотип своего апогея, подарив миру именно Эраста Фандорина. Его многоуважаемые предки и достойные потомки представляют для читателя интерес значительно меньший. К тому же как екатерининскую эпоху, так и новейшую историю Акунин знает приблизительно и неточно. С Екатериной еще куда ни шло: ее последнего фаворита во «Внеклассном чтении» зовут Платоном Зуровым – разница в одну букву сразу отсылает грамотную публику к «Азазелю» (где граф Зуров – персонаж отнюдь не из последних) и снимает с автора ответственность за расхождение придуманного сюжета с историческими реалиями. Значительно печальнее, что и свое – наше – время Акунин учит только по книжкам. По чужим...

В его сознании время равняется языку времени. Речь героя перевыпала криминально-компьютерно-наркотическим и неологизмам: словари составлен педантично, а жизни и воздуха в тексте нет. В свободном владении новоязом Акунин, естественно, уступает литераторам нового поколения; столь плоско стебаться и прикалываться над текущей отечественной действительностью при жизни Сорокина и Пе-

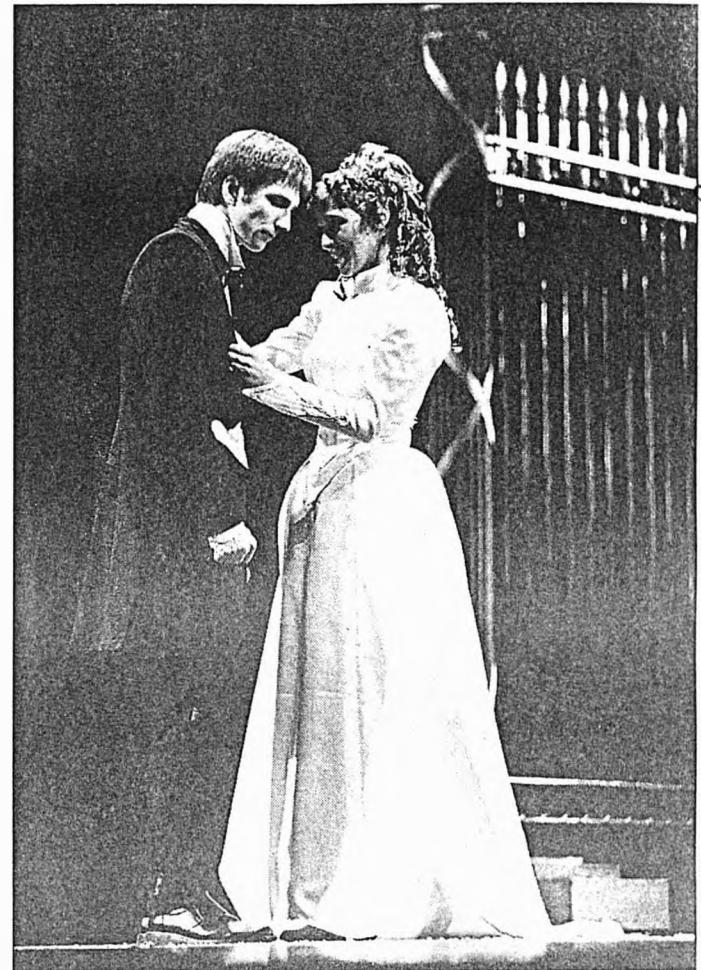
левина как-то даже неприлично; а борьбу фармацевтических олигархов, погоню на «Брабусах» и частную жизнь обитателей Барвихи есть кому описывать, помимо Акунина. Этот рынок давно поделен, создателю Фандорина здесь вряд ли что обломится.

Главная мысль «Внеклассного чтения» практически бесспорна. Сводится она вкратце к следующему: нет времен плохих и хороших, нравственных и аморальных: просто из века в век рождаются на свет люди подные, аличные, кровожадные, а также нормальные, душевые, порядочные. Соотношение всегда примерно одинаковое. Черные начинают, но белые выигрывают – только по этой причине земля еще вергнется. Вот вам итог двухтомного романа, напечатанного в «Олма-пресс» на плохой бумаге, зато удобным для глаза разреженным шрифтом...

В «Азазеле», если помните, вечный моралист Акунин тоже заставлял своего героя, совсем молоденького мальчика, самостоятельно выбирать между добром и злом, да еще преподавал ему жестокий урок: Эраст Петрович не сдержал слово чести, и его возлюбленную, Лизен, прямо в день свадьбы разнесло бомбой на куски. Алексей Бородин, конечно, не опускает воспитательный пафос романа, но и не имеет возможности уделять ему много внимания. Спектакль и так заканчивается в половине одиннадцатого.

С первой же сцены «Эраста Фандорина» понятно, что постановочных изысков не будет, а будет

лишь подробное и последовательное изложение фабулы. Всего сцен – около тридцати, и каждую закрывает взрыв аплодисментов. Скушать практически не приходится – действие движетсярезво, безразмазни, сильными, упругими толчками. Заметен, правда, некоторый перебор в песнях-плясках. Танцуют все: сам Фандорин, гибкий, ловкий, склонный (Бородин явно решил сделать из Петра Красилова собственного Марселя Марсо), его невеста, граф Зуров... Даже слуга Зурова получил личный плясовый выход. У Красилова еще и голос не дурен, так что режиссер заставляет Эраста Петровича исполнить ночью, в лондонской гостинице городской романес «Поедем, красотка, кататься». Эраст в этот момент твердо убежден, что

Эраст и Лиза: часовой механизм уже тикает...

только что убил женщину – отличница, спортсменку и просто красавицу Амалию Бежешкую, посему его

вокальные экзерсисы кажутся, мягко говоря, не логичными... Я не говорю уже о резвящихся на сцене детях, чьи кудырки, кульбиты, а также выдаваемый за пение мышиный писк художественной ценности не представляют и попусту затягивают зрелище.

«Азазель» на сцене получился не хуже «Азазеля» на экране, тем более что тот был снят чрезвычайно перышливо: например, в кадр попал плотный автомобильный поток за решеткой Александровского сада... Художник Станислав Бенедиктов оформил «Эраста Фандорина» минималистски и символически: звенья парковой ограды, столы и стулья разного образца, конторки, шармочки, двусторонние двери, мутные стеклышки, оконные переплеты. Равнобедренный треугольник слепящих фонарей в клубах дыма дает прибытие поезда. Дешево и эффективно. На совести обоих – Бородина и Бенедиктова – глупые псевдонартульные взрывы, от которых вонь по всему залу и головная боль на полночи. Пистонной пальбы в «Эра-

сте Фандорине» тоже с избытком – это, пожалуй, главный недостаток спектакля.

Играют все хорошо, выразительно, живописно. Фандорин здесь очень милый юноша. Может, и не таким мы представляли себе Эраста Петровича, но ведь в «Азазеле» он еще не мистер Совершенство, а просто породистый щен, которому только предстоит блеснуть острым нюхом, умом и статями, а пока он лишь убегает за догоняет... Бриллинг (Евгений Редко) внешне интереснее Фандорина, но сыграя без загадки – сразу видно, что дверушник и лицемер. Зуров (Илья Исаев) – непосредственный и смешной. Студент Ахтырцев (Александр Доронин) – густок темперамента. Амалия (Ирина Низина) успешно поддерживает имидж местной Клеопатры. Лиза (Неди Ульярова) в меру нежна и трепетна, леди Эстер (Нина Дворжецкая) – проникновенна и драматична... В общем, премьеру в РАМТе можно считать удачей. А когда живой классик Борис Акунин попадет в программу обязательного внеклассного чтения, столичные школьники скажут Алексею Бородину отдельное «спасибо».

Любимчик Бородин

ИЛЬЯ ИСАЕВ